

Ник Тарасов Ян Громов

Воронцов.
Перезагрузка

Ник Тарасов

Воронцов. Перезагрузка

«Автор»

2026

Тарасов Н.

Воронцов. Перезагрузка / Н. Тарасов — «Автор», 2026

Что бы делали вы, если оказались в прошлом? Да только вот это прошлое - оно не совсем ваше. К чему приведут героя его стремление применить знания 21го века - тот еще вопрос. В общем, шел, упал, проснулся - гипс... нет - 1807 год. Да и не шел, а ехал в метро...

© Тарасов Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ник Тарасов, Ян Громов Воронцов. Перезагрузка

Глава 1

Алексей впечатал кулак в стол с такой силой, что стакан с водой подпрыгнул, разбрызгивая воду на отчёты – кропотливый труд бессонных ночей. Бумаги, пропитанные надеждой и амбициями, теперь размокали на глазах.

– Игорь Семёнович, вы даже не представляете, сколько крови и пота я в это вложил! Эти цифры реальные! Прибыль гарантирована – проверено и перепроверено десятки раз!

Генеральный директор «МосИнвест» даже не оторвал взгляда от смартфона, где мелькали мемы очередного развлекательного канала. Его лицо, выражало лишь то, что могло – холодное высокомерие человека, привыкшего решать чужие судьбы между просмотром котиков и завтраком.

– Алексей Владимирович, – процедил он, – вы в компании всего три года, а ведете себя так, как будто что-то из себя представляете, – телефон наконец лёг на стол, словно директор оказал великую милость. – Ваша презентация – просто бумажка, не более. Совет директоров её похоронит.

– Да вы даже не взглянули на расчёты! – Алексей ткнул пальцем в распечатки, как в последнее доказательство своей правоты. – Их проверил ваш зам по финансам, их подтвердили три независимых эксперта! Три!

Игорь Семёнович демонстративно перевёл взгляд в панорамное окно, словно перед ним капризничал ребёнок, а не опытный специалист:

– Вы не понимаете, Романов. Проект уже согласован с «вышестоящими инстанциями», – он изобразил в воздухе кавычки пальцами с маникюром безупречнее, чем у его секретарши. – И будет реализован компанией «АртСтрой». Весьма перспективная фирма, должен я вам сказать. И принадлежит, между прочим, племяннику нашего глубокоуважаемого вице-губернатора.

Реальность обрушилась на Алексея подобно ледяному душу. Все эти бессонные ночи, бесконечные переговоры с поставщиками, выбитые со скрипом разрешения – всё улетало в мусорную корзину. Проект отдали очередному блажному, чья компания по традиции разворует бюджет, провалит сроки, а потом получит ещё миллионы на "доработку".

Та же пьеса, те же актёры, тот же финал. Только декорации меняются.

– Значит, так, – в груди Алексея начал разгораться опасный огонь, тот самый, из-за которого его служебная биография напоминала список покупок в магазин, которые жены подсовывают своим мужьям. – Предлагаю поговорить начистоту.

Игорь Семёнович вздохнул с видом Христа, которого ведут на распятие:

– Я вас внимательно слушаю, но только быстро, у меня через десять минут встреча с людьми, которые действительно важны.

– Какой процент отката вы получаете в этой сделке? – Алексей произнёс это почти шёпотом, но каждое слово резало воздух, как лезвие.

Наступила тишина такой хрустальной чистоты, что на сороковом этаже бизнес-центра «Москва-Сити» стал слышен гул автомобилей далеко внизу.

– Что вы себе позволяете? – голос генерального обледенел до температуры жидкого азота.

– То, что должен был сказать давно, – Алексей впервые за много месяцев почувствовал удивительную лёгкость, будто сбросил невидимый рюкзак с камнями. – Вы – жалкий корруп-

ционер, компания погрязла в откатах, а проекты получают не те, кто может их реализовать, а те, кто умеет делиться. Вы даже не представляете, как меня тошнит от этого дерьма!

Игорь Семёнович медленно поднялся, расправляя плечи, как хищник перед броском:

– Вы уволены. Немедленно. Пропуск оставите на стойке охраны. И считайте, что вам несказанно повезло, если я не подам на вас заявление за клевету.

Алексей нарочито медленно взял портфель и направился к двери, остановившись на мгновение у порога:

– Не трудитесь, заявление об увольнении скину по электронке. И да, Игорь Семёнович... идите на хер. Искренне ваш, Алексей Романов.

В переполненном вагоне метро Алексей стоял, вцепившись в поручень побелевшими пальцами, пока адреналин пульсировал в венах раскалённой лавой, не думая утихать. Мысли разрывали сознание на куски. Переезд с Машкой в светлую квартиру с видом на парк – перечеркнут. А кредит за машину... Господи, о чём он только думал?

«Станция Баррикадная. Будьте осторожны при выходе из вагона».

Вагон внезапно дёрнулся с такой силой, словно на полном ходу врезался в бетонную стену. Людей швырнуло вперёд, как тряпичных кукол. Пальцы Алексея скользнули по поручню – его голова со всего размаха встретила с металлической стойкой.

Вспышка боли, ослепительная, как сверхновая. Потом темнота и странный, нарастающий гул, будто приближается что-то огромное и неотвратимое.

В последний момент сознания он успел подумать только одно: «Маша меня убьёт, если я опоздаю на ужин знакомства с её родителями...»

– Господин Егор! Господин Егор, просыпайтесь, Христом Богом молю, батюшка с матушкой уже все глаза проглядели!

Я с трудом разлепил веки, словно они были запечатаны сургучом. Меня трясла за плечо невысокая полная женщина в тёмном длинном платье со странным платком на голове. Мой затуманенный мозг выдал первую версию: косплеерша? Ролевой фестиваль?

– Чего тебе? – просипел я, пытаюсь сфокусировать взгляд.

И застыл, пронзённый внезапным осознанием. Это был не мой голос.

Я резко сел на кровати. Это была не моя кровать – массивная, с резными деревянными спинками и балдахином, будто украденная со съёмочной площадки исторического сериала.

Комната тоже была чужой – высокие потолки, стены, обитые тканью, тяжёлая дубовая мебель, источающая запах воска и времени. В углу мерцала лампада перед тёмной иконой, бросая на стены причудливые тени.

– Что за хрень? – вырвалось у меня прежде, чем я успел подумать.

– Ох, опять браниться изволите с утра пораньше, – всплеснула руками женщина, словно я совершил привычное, но всё равно шокирующее святотатство. – А ведь Прасковья Никитична сказывала, что вы с колыбели были ангелочком...

Я уставился на свои руки, которые тоже оказались чужими – более узкие, с длинными аристократическими пальцами, без мозолей от штанги и сбитых костяшек после спаррингов, зато с небольшим шрамом возле безымянного пальца. На запястье отсутствовали часы Garmin, с которыми я практически сросся.

– Я... где я? Кто ты? – холодный пот покрыл спину, которая тоже ощущалась иначе – сильнее, но уже.

– Господи, да никак вы опять не в себе? – женщина заглянула мне в глаза с тревогой матери, чей ребёнок внезапно заговорил на неизвестном языке. – Это я, Агафья, ваша нянька –

Агафья Петровна. Вы в родительском доме... пока что, – последние слова она добавила шёпотом, словно выдавала государственную тайну. – Сами знаете, батюшка гневается страшно. Мне велено вас одеть да к столу проводить.

Она развернулась к массивному шкафу и начала доставать одежду – рубаху из тонкого полотна, брюки, какой-то странный удлинённый жилет...

– Постой, – я с трудом подавил приступ тошноты, подступившей к горлу. – Какой сейчас год?

Агафья посмотрела на меня так, словно я спросил, сколько будет дважды два:

– Лето 1807 года от Рождества Христова, как и вчера было. Ох, неужто вы так сильно головушку зашибли, когда с квартальным сцепились? Николай сказывал, вы на ногах еле держались, когда домой заявились...

1807? Что за чертовщина? Розыгрыш? Сон? Галлюцинация после удара головой? Ещё вчера я, Алексей Романов, был менеджером среднего звена в крупной IT-компании, послал начальство к чёрту и поехал домой в метро...

Но ощущения были болезненно реальными – запах дерева и свечного воска, жесткое бельё, щекочущее кожу, солнечный свет, пробивающийся сквозь окно с частым переплётом, рисующим на полу геометрические узоры.

– Агафья, – осторожно начал я, словно ступая по тонкому льду, – а я... кто?

– Ну вы и впрямь умом тронулись, – женщина покачала головой с искренним беспокойством. – Вы – Егор Андреевич Воронцов, сын боярина Андрея Петровича и Марии Фёдоровны. Двадцати лет от роду, не женаты, хотя давно пора бы.

Она протянула мне одежду, как беспомощному ребёнку:

– Одевайтесь скорее, не то батюшка ещё пуще разгневается. И так беда – по дому слух ходит, будто вас нынче из семьи выгонят за вчерашнее буйство. Помилуй нас всех Господи!

Меня словно окатили ледяной водой из колодца. Всё это слишком реально для сна и слишком абсурдно для розыгрыша. Каким-то непостижимым образом я оказался в чужом теле, в чужом времени, в чужой жизни. И, судя по всему, в крайне невесёлом положении.

– Мне нужно одеться? – я беспомощно посмотрел на разложенную одежду, как на инопланетный артефакт. – Как... как это надевается?

Агафья округлила глаза до размера чайных блюдц:

– Да вы точно не в себе! Ну-ка, давайте помогу, как в детстве, когда вы ещё от горшка два вершка были.

Следующие десять минут превратились в сюрреалистичный балаган. Агафья, причитая и крестясь, помогала взрослому мужчине надеть рубаху, застегнуть штаны и облачиться в кафтан. Я чувствовал себя беспомощным идиотом, но выбора не было – я действительно понятия не имел, как совладать с этими загадочными застёжками и завязками, словно созданными, чтобы испытывать человеческое терпение.

Наконец, одевшись и, кое-как пригладив волосы (которые оказались гораздо длиннее, чем я привык носить), я последовал за Агафьей, как потерявшийся ребёнок за матерью.

– Нянюшка, – прошептал я, пока мы шли по длинному коридору с портретами хмурых предков на стенах, – а что вчера случилось? За что меня хотят выгнать?

Агафья огляделась по сторонам, словно заговорщица, и зашептала ещё тише, едва шевеля губами:

– Ох, грехи наши тяжкие... Вы ж вчера опять в трактире пиروвали, в карты проигрались вчистую – говорят, чуть не тыщу рублей спустили! А потом квартального надзирателя поколотили, когда тот вас усюветить пытался. Насилу откупились, чтоб под арест не взяли. Батюшка вне себя от гнева!

Я внутренне застонал. Судя по всему, тело, в которое меня занесло неведомой силой, принадлежало редкостному дебилу с талантом находить неприятности.

Мы спустились по широкой лестнице в просторный зал, где за длинным столом уже сидели несколько человек. Во главе стола – представительный мужчина с окладистой седеющей бородой и пронзительным взглядом, способным просверлить насквозь. Рядом – женщина средних лет в строгом тёмном платье, с высокой причёской, затянутой в сетку, будто на приём к императору собралась. По другую сторону – сухощавая старуха с крючковатым носом и недобрым прищуром, напоминающая ведьму из народных сказок.

Все трое уставились на меня, как на приговорённого к казни, ожидающего последнего слова.

– Явился, голубчик, – голос бородатого мужчины звенел от еле сдерживаемого гнева, как натянутая струна. – Изволь сесть, нам предстоит серьёзный разговор. Весьма серьёзный.

Я неловко опустился на стул, чувствуя себя преступником перед судом. В голове царил хаос. Как объяснить этим людям, что я не тот, за кого они меня принимают? Да и поверит ли кто-то в такую дикую историю? Меня сочтут безумцем или, того хуже, одержимым нечистым духом. От последней мысли по спине пробежал холодок – костры инквизиции, возможно, уже не жгли, но смирительные рубашки наверняка существовали.

Но больше всего меня ужасала мысль, что всё это – реальность. Что каким-то невероятным образом моё сознание перенеслось на два столетия назад, в тело молодого дворянина-дебошира. Читал я иногда на самиздате про такое, посмеиваясь над фантазией авторов. И кто теперь смеётся?

– Егор Андреевич, – отец (а это, несомненно, был отец Егора) тяжело вздохнул, словно каждое слово причиняло ему физическую боль, – терпению моему пришёл конец. Вчерашний твой поступок переполнил чашу. Почти тысяча рублей карточного долга за последние три года, бесчисленные попойки, драки, распутство... Ты позоришь наш род, и я не могу более этого терпеть.

– Мы столько лет молились о твоём исправлении, – подхватила женщина (очевидно, мать), прижимая к глазам кружевной платочек, словно собиралась лить слёзы ведрами. – Нанимали лучших учителей, возили за границу...

– И всё впустую, – отрезал отец, ударив ладонью по столу. – Посему я принял решение: ты более не являешься сыном своего рода. Фамилии тебя пока не лишаю. До первой весточки позорной, но надела и всякого содержания считай, что и не было. Бумаги уже готовы.

Я сидел, оглушённый, словно громом. Меня, то есть, Егора только что официально лишили наследства и выгнали из семьи. В двадцать первом веке это было бы просто громкой семейной ссорой и несколькими вспльчивыми постами в социальных сетях, но в 1807-м...

– Что... что теперь будет? – прохрипел я голосом, который отказывался слушаться.

– Теперь? – отец поджал губы, как будто ему было противно даже говорить со мной. – Теперь ты волен идти на все четыре стороны. Ты уже не ребёнок, чтобы я за тобой надзирал. Хочешь – иди в услужение, хочешь – в монастырь. Мне всё едино.

Я не знал, что сказать. Вся эта ситуация была настолько чудовищно нелепой, что слова застряли в горле, словно рыба кость.

В этот момент заговорила старуха голосом, скрипучим, как несмазанная дверь:

– Андрей, мальчишка – дурак и повеса, кто ж спорит. Но всё ж тебе не чужой. Я так мыслю – пусть едет в Уваровку. Я ему ту деревню отписала, что мне от дядюшки Прохора досталась. Там и имение имеется. Пущай там сидит, хлеб растит. Может, на свежем-то воздухе да за сохой ходючи, за ум возьмётся.

– Маменька, вы опять его балуете, – сурово произнёс отец, сверкнув глазами. – После всего, что он натворил!

– Не перечь, – старуха стукнула по столу костлявой рукой с такой силой, что зазвенели приборы. – Моё имение – моя воля. Отписала, значит отписала. Деревня, конечно, дрянь – всего-то дворов пятнадцать, да и те едва концы с концами сводят. Изба того хуже – полвека

никто не жил, крысы да тля хозяйничают. Но крыша над головой будет, не на большой дороге околеет.

Она повернулась ко мне, прожигая взглядом насквозь:

– Слышал, оболтус? Будешь в Уваровке сидеть, пока не образумишься. Хоть каторжный труд тебя уму-разуму научит, коли университеты не смогли!

Я медленно поднялся из-за стола. В голове мелькнула абсурдная мысль: «Кажется, я только что получил повышение». Я уволился из крупной компании, хлопнув дверью, и тут же стал землевладельцем, пусть и с пятнадцатью дворами.

Мне хотелось истерически рассмеяться, но я каким-то чудом сдержался.

– Благодарю вас... бабушка, – произнёс я неожиданно твёрдым голосом. – Я постараюсь оправдать ваше доверие.

Все трое уставились на меня с таким изумлением, словно я заговорил на китайском. Они явно ожидали буйства, слёз, молений о прощении – чего угодно, но только не спокойной благодарности.

– Экипаж будет готов через час, – отец поднялся, давая понять, что разговор окончен и приговор обжалованию не подлежит. – Прощай, Егор. Дальнейшая твоя судьба – в твоих руках.

«Да уж, – подумал я, направляясь к выходу из столовой. – В моих руках, которые, кстати, даже не мои».

Я ещё не понимал, что ждёт меня в этой новой, чужой жизни. Но одно знал наверняка: если это реальность, а не бред воспалённого сознания после удара головой, то впереди меня ждёт нечто более интересное, чем бесконечные отчёты и корпоративные интриги.

Загадочная Уваровка, в любом случае, звучала куда заманчивее, чем очередная корпоративная летучка. А мои знания из будущего... может, они помогут мне не только выжить, но и преуспеть в этом странном мире начала XIX века. В конце концов, в каждом кризисе скрывается возможность, надо только уметь её разглядеть.

Глава 2

Агафья суетилась вокруг моего гардероба быстро и деловито. Её руки мелькали между сундуком и баулами, аккуратно складывая мой новый-старый гардероб – шёлковые рубахи, несколько кафтанов, штаны, жилеты и прочие атрибуты беспечной жизни юного дворянина, чьё тело я теперь незаконно оккупировал.

– Сюртук берёте, господин Егор? Почитай три года как из Парижа привезли, а надевали только раз, на именины графини Протасовой, – Агафья бережно сложила тёмно-синий сюртук с серебряными пуговицами. – Такая вещь, а пылится!

Рядом угрюмо возился мужик лет сорока – коренастый, с окладистой бородой и мозолистыми руками. Николай, как я узнал, дворовый человек, приставленный помогать с переездом опального барина в его почётную ссылку.

– А книги? – спросил я, осматривая комнату в поисках хоть чего-то полезного для выживания. – У меня должны быть книги.

Николай хмыкнул выразительно, но вслух ничего не сказал. Агафья же всплеснула руками:

– Какие книги, Егорушка? Вы ж их все в трактире позакладывали да в карты проиграли! Только и осталось что Евангелие от матушки да тетрадка с французскими стихами. Весь ваш, с позволения сказать, университет!

Я прикусил губу. Похоже, прежний владелец этого тела был не только игроком и дебоширом, но ещё и редкостным идиотом. Отлично. Просто великолепно. На случай зомби-апокалипсиса я всегда планировал взять с собой тетрадку с французскими стихами.

Что-то внутри меня буквально кричало о том, что мне нужно гораздо больше, чем пара сундуков одежды и Евангелие. Я оглядел комнату в поисках чего-нибудь полезного.

– Николай, а инструменты какие-нибудь можно взять? Топор, пилу, гвозди? – я старался говорить уверенно, как подобает барину, хотя внутри себя чувствовал неловкость.

Мужик тяжело вздохнул и почесал бороду:

– Не велено, господин. Батюшка сказал – только одежку. А инструмент – это хозяйское добро. – В его глазах промелькнуло что-то вроде жалости. – Да и зачем вам? Вы ж молотка в руках не держали отродясь.

– А оружие? – возник у меня следующий логичный вопрос. – Пистолет или хотя бы охотничий нож?

– Господь с вами! – ахнула Агафья, крестясь быстро-быстро. – После того как вы в прошлом году чуть целую улицу не перестреляли? Батюшка все ваши пистолеты под замок упрятал, а палаш на чердак забросил. Слава богу, что руки у вас кривые, а то б полгорода уже на погосте лежало!

Прекрасно. Меня отправляют в глухомань без инструментов и оружия. Только модный гардероб, Евангелие и тетрадь с французскими стихами.

– Агафья Петровна, – я решил зайти с другой стороны, – а помощник мне полагается? Дядька какой-нибудь? Холоп?

Нянечка аж ахнула, округлив глаза:

– Какой холоп ещё?! Что ты такое говоришь, Егорушка? Срамота какая! Дядька был у тебя, как положено, Федотом звали, да не выдюжил – ушёл. Сказывал, даже каторга спокойнее, чем с тобой день провести. – Она понизила голос до шёпота. – Месяц потом еще заикался, как вспоминал ваши похождения.

И тут меня вдруг осенило. Что-то категорически не сходилось в этой картине. Холопы, бояре... 1807-й год. Из ещё не вытесненной пивом школьной программы я помнил, что Пётр

Первый ликвидировал Боярскую думу, заменив её Сенатом, и холопство отменил. Екатерина II модернизировала государственную систему Табелью о рангах.

Бояр не было. Откуда же тогда "сын боярина"?

Я осторожно присел на краешек сундука, лихорадочно перебирая в голове всё, что помнил из школьного курса истории, которого, как назло, оказалось преступно мало.

– Агафья Петровна, – начал я, стараясь выглядеть беспечным, – а кто сейчас правит-то? А то я со вчерашнего... – я выразительно постучал себя по голове, изображая сотрясение мозга, – память отшибло напрочь.

Нянечка посмотрела на меня с укоризной, но, к моему удивлению, не стала отчитывать за странный вопрос.

– Государыня-матушка наша, Екатерина Алексеевна Вторая, – ответила она, продолжая складывать вещи. – Беспокоится только народ – который год хворают. Говорят, совсем плоха стала. Наследник-то, Павел Петрович, уж извёлся весь, ждёт своего часа. Иные болтают – не по-христиански так о матушке-государыне думать!

Я даже переспросил, чувствуя, как по спине пробежал холодок:

– Екатерина Вторая? Великая? Сейчас правит?

– А кто ж ещё? – Агафья посмотрела на меня с укоризной. – Ты ж в Смоленском институте учился, почти первый курс кончил, а там небось по истории не одну розгу получил. Уж должен знать, кто на престоле-то сидит. Или опять всё пропускал, по постоянным дворам шлялся?

Моё сердце забилося очень сильно. Екатерина Великая правит в 1807 году? Но это же абсурд! Она умерла в 1796-м, после неё был Павел, потом его убили, и престол занял Александр I...

Это означало одно из двух: либо вся история, которую я учил, была мифом, либо я попал не просто в прошлое, а в какую-то альтернативную версию прошлого. В параллельную реальность, где ход истории свернул не на том перекрёстке.

Перед глазами замелькали страницы учебников и карты империй. Если Екатерина до сих пор жива, значит, не было убийства Павла, не было наполеоновских войн в том виде, в каком я их знал... Весь мир мог быть принципиально другим!

Моё оцепенение прервал громкий стук в дверь, от которого я едва не подпрыгнул. На пороге стоял суровый мажордом с каменным лицом:

– Время истекло. Экипаж подан. Извольте отбыть.

Я ещё не успел осознать все последствия своего открытия, а меня уже выставляли из дома. Агафья, причитая и крестясь, тащила один из моих баулов, Николай взвалил на плечи сундук, а я семенил между ними, всё ещё оглушённый мыслью: "Я не в своей истории. Не просто в прошлом – в альтернативном прошлом"!

Выйдя во двор, я едва удержался от горького смеха. Экипаж – громко сказано. Перед крыльцом стояла обычная деревенская телега, запряжённая одной лошастью, которая выглядела очень усталой. Никакой кареты, никаких лакеев в ливреях.

– Это... экипаж? – растерянно спросил я. – А где кучер?

Нянечка только шикнула:

– Радуйся, что с лошастью будешь. Зорька – спокойная лошадка, не то что ты. Управисься. Не впервой тебе, чай, не барышня кисейная.

Отлично! Теперь у меня есть Зорька – единственное живое существо, которому, похоже, предстоит стать моим компаньоном в этом безумии. По крайней мере, хоть не пешком.

К моему облегчению, возница всё же нашёлся. К телеге подошёл один из крепостных – мужичок в косоворотке и лаптях, с хитрым прищуром.

– Велено вас доставить, барин, – сказал он без особого почтения, привязывая повод ещё одной лошади к телеге. Сам же уселся возле люшны, взяв в руки кнут. – Забирайтесь, Егор

Андреевич, не гоже батюшку злить, а то ж и пешком можете пойти. Мне-то что? Сказали – правлю, нет – другим делом займусь.

Я неловко взобрался на телегу, чувствуя себя актёром без единой репетиции. Вещи были увязаны, прощание с семьёй не предусматривалось – судя по всему, я был персоной нон грата в собственном доме. Боярском доме. В мире, где царствовала Екатерина II в 1807 году.

Агафья всхлипнула, крестя меня на прощание:

– Господь с тобой, Егорушка. Не пропади там. Пиши хоть иногда... Если грамоту не забудешь в своей глуши!

Телега тронулась, колёса закричали по гравию подъездной дороги. Я обернулся в последний раз на огромный дом, который мог бы быть моим наследством, если бы "я" не был таким идиотом.

По дороге, наблюдая бескрайние русские пейзажи и ощущая каждую кочку (амортизация в те времена заключалась в пучке соломы, брошенном на дно телеги), я погрузился в размышления.

Мир вокруг был абсолютно реальным – каждый толчок телеги, запах лошадиного пота, скрип колёс, жужжание мух... Солнце пекло сквозь тонкую ткань сюртука, который я надел поверх рубахи. Где-то в небе пел жаворонок. Возница негромко посвистывал, изредка пощёлкивая кнутом, не обращая никакого внимания на свой живой груз.

И всё же это был не мой мир. Не та история, которую я изучал. Что произошло иначе? В какой момент история пошла другим путём? И что мне теперь делать с этим знанием, которое стало бесполезным?

Может, это всё же сон? Или бред человека, находящегося в коме после аварии в метро? Или, может быть, я умер, и это какое-то странное посмертие?

– Далеко до Уваровки? – спросил я возницу, пытаюсь отвлечься от мрачных мыслей.

– День пути, барин, – ответил тот, не оборачиваясь. – К вечеру доберёмся, коли Бог даст. Да, дорога нынче не ахти, мосток размыло после дождей. Придётся кругалю дать, через Верхние выселки.

Я вздохнул и попытался устроиться поудобнее на жёсткой телеге. Впереди был целый день тряски и целая жизнь в чужом времени, чужом теле и чужой истории.

Глядя на бескрайние поля и леса, раскинувшиеся по обе стороны дороги, я внезапно осознал: что бы ни случилось, назад пути нет. Только вперёд – в неизвестность, в деревню Уваровку, в разваливающуюся избу, в новую жизнь.

Одно я знал точно: менеджер Алексей Романов умер в том метро. Теперь я – Егор Воронцов, опальный сын боярина, отправляющийся в ссылку. И мне предстоит заново учиться жить – в мире, где Екатерина Великая не умерла в 1796 году, где история пошла совершенно другой дорогой.

Телега подпрыгивала на ухабах, и каждый раз моя многострадальная пятая точка ощущала всю несправедливость мироздания. На очередном толчке я едва не взлетел, и вцепился в борт, чтобы не выпасть.

– А скажи-ка, любезный, – решил я попытать счастья в разговоре, – Есть ли по дороге какой постоялый двор?

Возница не повернул головы:

– Не.

Ну просто Цицерон, не иначе.

– А разбойники в здешних лесах водятся? – задал я второй вопрос, сам уже понимая его бессмысленность.

– Бывает, – буркнул крестьянин и сплюнул на дорогу.

– Хорошая сегодня погода, – зашёл я с третьей стороны.

– Бывает и хуже.

Я уже решил было сдаться, когда меня осенило.

– А как тебя звать-величать? Негоже ехать с человеком, не зная его имени.

– Митрохой кличут, – с неохотой ответил он, будто я пытался выпытать у него секрет государственной важности.

– А давно у батюшки моего служишь?

– С покрова третий год пошёл.

Ого, аж целых шесть слов за раз! Прогресс.

– Скажи, Митроха, а кто у нас сейчас на престоле-то сидит? – решил я зайти издалека.

– Ась? – он наконец повернулся ко мне, недоуменно выпучив глаза. – Вы что ж, барин, из ума выжили? Кто ж на престоле-то, как не матушка наша Екатерина, упаси Господи. Сорок-то годков почитай правит уже.

Ну, хоть что-то. Но информации всё равно маловато.

– А вот говорят, будто в Америке бунт случился, это правда? – спросил я, чтобы прощупать, как тут обстоят дела с американской независимостью.

– Нешто, – Митроха снова отвернулся, явно теряя интерес к беседе. – Не наше крестьянское дело. Бояр спрашивайте, они грамотные.

С каждой попыткой начать разговор крестьянин замыкался всё сильнее. То ли он в принципе не любил болтовню, то ли конкретно ко мне – вернее, к Егору – испытывал какую-то неприязнь.

– Митроха, я тебе дорогу где-то перешёл, что ли? – решил я взять быка за рога.

– Чего? – он даже поперхнулся от неожиданности.

– Не разговариваешь почти, отворачиваешься. Я тебе чем не угодил?

– Так это... – крестьянин помялся, а потом внезапно выпалил: – Вы ж, барин, в прошлый раз, как в наших краях были, Сидоровой дочкой на сеновале кувыркались. А потом Кузьму-конюха до полусмерти плёткой отходили, когда он вам про то слово молвил. Я его потом две версты на себе волок, до самой деревни.

Твою мать. Ну, спасибо тебе, Егор Андреевич! Не мог оставить мне тело с более приличной репутацией?

– Послушай, я... – я замаялся, не зная, что сказать. Не объяснять же крестьянину про параллельные миры, перемещение сознания и прочую мистику. – Я изменился. Это больше не повторится.

Митроха кинул на меня такой взгляд, в котором читалось всё его недоверие и скепсис:

– Да уж, на меня не кидаются, и то хорошо, – и снова отвернулся.

Разговор явно не клеился. Я решил помолчать и насладиться пейзажем, если такое вообще возможно, когда тебя подбрасывает на каждой кочке. Поля сменялись перелесками, иногда встречались деревушки – маленькие, в десяток дворов. Крестьяне при виде нашей телеги низко кланялись, и я кивал в ответ, чувствуя себя при этом самозванцем.

Через какое-то время дорога свернула в лес. Деревья сомкнулись над головой плотным пологом, оставляя лишь узкую полосу голубого неба. Стало прохладнее и темнее. Даже Митроха как будто напрягся, поглядывая по сторонам.

Проехав с полкилометра по лесной дороге, мы упёрлись в поваленное дерево, перегордившее путь. Я быстро осмотрел ствол – не трухлявый, не подгнивший. Срезы ровные. Срублено, не само упало.

«Ну отлично – классика. Сейчас нас будут грабить», – мысленно выругался я.

И не успел я открыть рот, чтобы предупредить Митроху, как из-за ближайших кустов выскочили четверо здоровенных мужиков. У троих в руках были увесистые дубины, у четвёртого – вилы. Рожи небритые, в глазах – смесь жадности и тупой решимости. Краем глаза я заметил шевеление в кустах напротив – там прятался ещё один, поменьше ростом.

– Ну чё, господа хорошие, приехали, – осклабился самый мордатый, видимо, главарь. – Чаво везём по нашей землице?

Глава 3

Митроха, вместо того чтобы прикинуться ветошью, вдруг расправил плечи:

– Да это ж земля боярская! Боярина Романова! – и, гордо кивнув на меня, добавил: – И между прочим, как раз вот боярский сын сзади!

«Ой, дурааак. Кто ж тебя за язык-то тянет, олух?!» – я чуть не застонал вслух.

Душегубы переглянулись и заметно оживились.

– Дык это лучшее, чё могло случиться! – радостно оскалился щербатый разбойник. – Значить, и в сундуке не сено, да и в бауле чавой-то ценное найдётся.

– Слышь, барин, – подал голос третий, с перебитым носом, – ты не сердчай. Мы тебя не тронем. Так, пощупаем малость, чё везёшь. Подать, значица, соберём за проезд.

– По нашей-то земельке, – добавил четвёртый с вилами, гнусно хихикнув.

Пока трое разбойников пытались изобразить из себя таможенников, один медленно обходил телегу с явным намерением зайти со спины. Я заметил манёвр, но виду не подал. Решил потянуть время.

– Послушайте, мужики, – сказал я спокойно, – я сын боярина. Если сейчас разойдёмся миром, сделаю вид, что ничего не было. Одумайтесь.

Разбойники заулыбались, переглядываясь.

– Слыхал, Хромой? – обратился один к главарю. – Барчук сказывает, чтоб мы адумались. А чаво думать-то? И так всё ясно! – и довольно загоготал.

– Дык это!... мы ж то не со зла, – подхватил другой, криво улыбаясь. – Мы ж только малость поглядим, чаво у тебя. Может, сам и отдашь чаво? По доброй воле?

Из кустов напротив раздался тонкий голос:

– Дядя Хромой, а может, правда не надо? Вон там на дороге стража была...

Я повернул голову и увидел молодого парнишку, едва ли старше шестнадцати. Худой, с испуганными глазами – он явно не вписывался в компанию матёрых разбойников.

– Заткнись, Митька! – рявкнул главарь.

Понимая что ситуация накаляется, я спрыгнул с телеги и в этот момент тот, что зашёл мне за спину, замахнулся дубиной, целясь по голове.

Я, тот который Алексей, ещё в институте получил первый кю по айкидо – почти первый дан, между прочим – и сейчас интуитивно попытался применить один из базовых приёмов: уйти с линии атаки и, используя инерцию противника, швырнуть его на остальных.

Почти всё получилось, если бы не два казуса.

Во-первых, тело-то было не моё – ни гибкости, ни плавности движений. Хотя сила, надо признать, имелась.

Во-вторых, мужик оказался крепкий, стоял как вкопанный. Выходит, в удар особо не вкладывался – просто хотел слегка «тюкнуть по темечку».

Но всё же, дёрнув его за руку с дубинкой, я вывел нападавшего из равновесия и провёл стандартный котэ-гаэси – захватил запястье державшее дубинку и, выворачивая его, бросил его через разворот кисти. Тот завалился с диким воплем.

Те трое явно не ожидали, что их приятель вместо успешного нападения вдруг полетит на них. Чем я и воспользовался. Пока они соображали, что происходит, я подбил колено ближайшему из них – тому, что с вилами. Он тоже с воем повалился на землю, выронив своё оружие. От второго я ловко отскочил в сторону когда он замахнулся дубиной, а третий, с гнилыми зубами, бросился поднимать первого упавшего.

Я кружился вокруг них как волчок, стараясь держать всех в поле зрения. Габариты мужиков, конечно, впечатляли – каждый на полторы головы выше меня и раза в два шире в плечах. Но двигались они с грацией беременных коров, каждый замах дубиной телеграфировали заранее, будто давая мне время подготовиться. Против такого даже неповоротливое тело Егора оказалось в выигрыше.

– Держи его, леший! – орал главарь, пытаясь ухватить меня за шюртук.

– Руку! Руку сломал, ирод! – взвыл его поделник, когда я перехватил его запястье и резко вывернул.

Через минуту трое из четверых выбыли из строя: у двоих скорее всего переломаны кисти рук, у третьего выбито колено. Они катались по земле, воя от боли и поминая всех святых попеременно с грязными ругательствами.

Митроха, видя, что шансы неожиданно переместились на нашу сторону, проявил завидную сообразительность. Выхватив откуда-то из-под сена небольшой топор, он подкрался сзади к Хромому и коротко, без замаха, ткнул его обухом по затылку. Главарь рухнул, как подкошенный.

– Надобно связать душегубов да боярину сообщить, – сказал Митроха деловито, будто каждый день разбирался с разбойными шайками.

В этот момент из кустов вышел тот самый парнишка – без оружия, с расставленными в стороны руками.

– Не губите, батюшка, – дрожащим голосом попросил он. – Я не хотел с ними идти. Они меня силой заставляли...

Я повернулся к Митрохе:

– Бери коня, скачи к боярину. Одна нога тут, другая там. Только свяжи их хорошенько сначала. А я тут подожду, с предводителем душегубов пообщаюсь.

– Кто предводитель-то? – не понял крестьянин, озадаченно глядя на бесчувственного Хромого.

– Так вот же он, – сказал я, кивнув на парня.

Тот побледнел так, что, казалось, вот-вот грохнется в обморок.

– Я? Нет! Нет, батюшка, это неправда! Это Хромой, он главный! Я просто... я...

– Ты-то откуда здесь взялся? – перебил я его, внезапно осознав, что этот разговор может оказаться куда информативнее всех моих расспросов Митрохи. – Говори, если жизнь дорога.

Парень сглотнул, явно соображая, стоит ли врать или лучше сказать правду. В его глазах читался тот особый сорт страха, который бывает только у людей, случайно оказавшихся не в то время и не в том месте – я сам испытывал нечто подобное, когда очнулся в теле Егора.

– Я... я из Высоких Прудов, – наконец выдавил он. – Сирота я. У тётки жил, да только она померла по зиме. Работы нету, есть нечего... На большак вышел, думал, в город подамся. А тут они, – кивок на разбойников, – прибились. Говорят, кормить будут, денег дадут, только помогай нам малость... А как понял, чем промышляют, уйти хотел. Так Хромой сказал – только через его труп. Убьёт, говорит, ежели сбегу.

Я вздохнул. История банальная до зубовного скрежета: голодный сирота связался с бандитами от безысходности. Не то чтобы я сильно ему сочувствовал, но какая-то часть меня понимала его положение.

– Ладно, – сказал я, наблюдая, как Митроха споро вяжет разбойников. – Давай, подходи, не трону. Пока. Лучше расскажи, что там в твоих Высоких Прадах такого, что ты решил уйти оттуда?

– Так а чего там? Тетка как померла, так староста и сказал, что либо иду как мужи работать на деревню либо чтоб виметался, ему мол дармоедов не надо. Я и пошел. Да только... не поспевал за ними. Сначала те молчали, а потом дядька Дима взял да сказал, что меньше всех работаю. А я старался, из шкуры лез.

– И что дальше было?

– А дальше староста сказал, что дом то вовсе и не тётки моей, а жила в нем, пока податок уплачивала. А я выходит и не могу его уплачивать. А я просился к старосте работать. Я и читать умею и считать.

– Грамоте обучен?

– Да не. Просто умею.

– А что в мире делается, знаешь? А то давно я из дома не выбирался, новостей не знаю.

Митька замялся, переминаясь с ноги на ногу, словно ему неловко было стоять перед баринном – пусть даже и его подельники уже обезврежены.

– И... с чего начинать-то? – наконец выдавил он, комкая в руках потрёпанную шапку.

– Для начала представься, – предложил я. – По-человечески, а не как в разбойной шайке.

– Митька я, – буркнул парень, глядя куда-то мимо меня. – Митькой и кличут.

– Дмитрий, значит, да? – уточнил я.

Парень замотал головой, словно я предложил ему что-то непристойное:

– Не-е, боярин, Дмитрием меня не кличут. Митька, так всегда звали. Батюшка до крещения не дожил, а матушка... – он запнулся, – словом, Митька я.

– Ну, Митька так Митька, – кивнул я. – Давай, расскажи, что знаешь. Что в деревнях творится?

– Так что рассказывать-то? – он пожал плечами, но глаза его вдруг оживились, будто кто-то поднёс огонь к промасленному фитилю. – Беда у нас, боярин, неурожай большие, третий год кряду. Подать большую платим, тягло тяжкое. Староста в Высоких Прудах уж который месяц волком воет – жаловался наемни, что ничего не останется на засев на следующий год. А не засеешь – и вовсе с голоду помрём. А сам приворовывает.

Я оценивающе посмотрел на парня. Информации с такого болтуна можно получить немало – умеет же судьба подкидывать нужных людей в нужный момент!

– Слушай, Мить, а ты Уваровку такую знаешь? Деревушку.

– Дак конечно, знаю, – он даже фыркнул, словно я спросил его, знает ли он, что солнце на востоке встаёт. – То ещё захолустье! Староста ихний, как к нам ходит за солью аль дёгтем, всё жалуется.

– На что жалуется?

– Да уйти всё хочет. Говорит, деревня заглохла совсем. Боярин-то прежний, что Уваровой владел, помер давно, а новый носу не кажет. Избы гниют, скотина дохнет. Как зима – так думают, переживут аль нет.

– Не твоё это дело, Митька. Ты лучше скажи – у дружков твоих средство передвижения имелось?

– Чего?

– Лошадь, говорю, есть где припрятана у приятелей твоих?

– Да, на поляне, рядом тут.

– Ну вот и славно, – кивнул я, принимая решение. – В общем, так, Митроха, скакать никуда не надо, иди возьми лошадь и потом берёшь гавриков, да и топай себе обратно к батюшке моему. А меня вот Митька проведёт, раз он дорогу знает.

Митроха вернулся быстро и всё вздыхал:

– Лошадка то одна, а груз тяжелый.

Мы с Митькой подошли помочь. Сначала, взялись за тех, кто не мог идти сам. Взвалили их на лошадь, словно мешки с картошкой. Митроха связал им через живот лошади руки и ноги, чтоб не попадали. Двух других, у которых были сломаны кисти он привязал к седлу, достав веревку из телеги. Перекрестился зачем-то, да и отправился в обратный путь.

Я же продолжил расспрос Митьки. Тот, слово за слово, разошёлся – будто плотину провало. Начал рассказывать, что стало много разбойников, особенно на дорогах.

– Народу деваться некуда, боярин, – говорил он, жестикулируя так, словно пытался нарисовать в воздухе карту губернии. – Кто с земли бежит, кто из острогов вырывается, кто от рекрутчины хоронится. Вон, наемники к нам в деревню появились ночью какие-то, всю скотину перерезали. А до этого на Покров целый обоз с купеческим товаром под Озерками перехватили, всех до единого положили. Такая страсть была – люди боялись вёрст на десять вокруг из домов выходить!

– А у нас как – доедем до Уваровки то? – спросил я, мысленно прикидывая что еще может случиться по дороге.

Митька лишь кивнул, отмахнулся рукой и продолжил рассказ:

– Вот недавно – в Волчьем яру – трактирщика-немца всей семьёй вырезали. Даже девчонку малую не пожалели... – перекрестился, зажмурившись, словно видел эту картину перед глазами. – Говорят, беглые каторжники шалят. А по зиме – возле Сухого моста – целый санный поезд разграбили, что из столицы с товаром шёл. Десять человек охраны положили, а товару на три тыщи рублей увели! Купец, сказывают, умом тронулся с горя.

Я слушал, понимая, что мой путь до Уваровки, похоже, не будет лёгкой прогулкой. Митька же, распалившись, перешёл на внешнюю политику:

– А на южных границах, в государстве-то нашем, набегии продолжаются, – говорил он с таким видом, словно сам недавно вернулся с дипломатических переговоров. – Басурмане шалят, людей уводят. Мой двоюродный брат, Фёдор, в третьем годе под Ростовом в кабалу татарскую попал. Насилу выкупили, двести рублей собрали всем миром!

– А в городах что? – спросил я, пытаясь построить в голове картину этого параллельного мира.

– В городах порядки ужесточились, – Митька понизил голос до шёпота, хотя вокруг не было ни души. – Просто так уже не подойдёшь, особливо к казённым зданиям. Если на рожу не вышел – могут документы спросить на проверку. А не дай Бог, найдут чего запретное – секут нещадно! Вон, Кузьму-сапожника из соседнего села забрали в часть за то, что пьяный песни непотребные орал. Так он неделю в каталажке сидел, да ещё потом двадцать плетей получил.

Я решил перейти к более важному вопросу:

– А про государыню нашу Екатерину Алексеевну что слышно? Правда, что болеет?

Митька понизил голос, словно опасаясь, что его услышат шпионы, спрятавшиеся за каждым деревом:

– Истинная правда, боярин! Ноги у неё отниматься стали, – он сделал страшные глаза. – Но... – тут голос его упал до шёпота, – последние полтора десятка лет у неё появился новый лекарь. Мудрёный такой, сказывают, не нашенский. И лечит не как все прочие – ни пиявок, ни кровопусканий, а какими-то зельями да притирками заморскими. Поговаривают, что он то ли чернокнижник, то ли масон какой...

– Масон? Что ты такое несёшь? – удивился я.

– Дак не я это, боярин! Люди сказывают, – заторопился Митька. – Болтают, что с тех пор, как этот лекарь матушку-царицу взял в оборот, стала она после хворей быстрее оправляться.

– Что ещё знаешь? Что в мире творится?

– Дык это... В Польше волнения были, – Митька почесал затылок. – Бунтовали поляки-то. Говорят, что к нам собирались идти, но казаки наши их шибко потрепали – три тыщи одних убитых! Так, сказывают, по тракту кровь текла, пока дожди не пошли видно было. А Суворов-то наш, Александр Васильич, так разъярился, что велел всех пленных пороть, а предводителей на колы сажать. То давно уже было, но с тех пор поляки тихие стали, как мыши.

– А что с престолонаследником нашим? С Павлом Петровичем?

– Он сейчас самый первый помощник Екатерины Великой, – тут голос Митьки стал особенно серьёзным. – Она хворает крепко, и часть власти перешла в его руки. Он войском занимается, казной ведает. И что сказать – жёсткий он, Павел-то Петрович! Многих бояр, что при

матушке-царице в фаворе были, разогнал. А кой-кого и под суд отдал за казнокрадство. Готовится, как говорят, к возможной войне с французами.

– С французами? – удивился я. – Почему?

– А Бог его знает, боярин! Я ж тёмный человек, почти не грамотный. Только болтают, что у них там революция случилась – царя своего сбросили. А теперь и до нас добраться хотят, чтоб и наши бояре того... без голов остались.

Я внимательно вслушивался в рассказ Митьки, пытаюсь составить в голове картину. Ход истории здесь явно сильно отличался от того, что я знал из учебников.

– Вы, стало быть, в Уваровку направляетесь? – переспросил Митька, заметив, что я задумался. – Дорогу-то я знаю, провожу, тут можете быть уверены.

Я кивнул, осматривая поваленное дерево. Ситуация с разбойниками могла закончиться куда хуже, но теперь у меня появился неожиданный проводник. И, похоже, источник бесценной информации об этом чудном мире, в который меня занесла судьба.

– Ладно, Митька, рули к Уваровке, поговорить и в дороге можно. А там, глядишь, и до Уваровки моей доберёмся.

Митя со знанием дела обошел телегу, поправил завязки на упряжке лошади. Оглядевшись, я указал на брошенные вилы и дубинки душегубов. Митька кивнул и принялся укладывать их в телегу – в хозяйстве пригодятся. Уложив так, чтоб не мешали в дороге, и мы тронулись в путь.

Глава 4

По дороге я продолжил расспрашивать Митьку:

– А вот откуда ж ты всё про это знаешь-то, скажи мне на милость? Как-то для крепостного, да ещё и такого молодого, слишком познавательны ты говоришь. Буковки складываешь, про стражу размышляешь...

Митька шмыгнул носом и, видя, что я настроен благодушно, осторожно продолжил.

– Так, батюшка Николай из Спасского научил, – сказал он, поглядывая на меня исподлобья, будто опасаясь, что я вот-вот переменюсь в лице и прикажу высечь его за одну только грамотность. – Он в соседнюю деревню каждую осень приезжает, и на неделю или две остаётся. В избе у старосты садится, книги разные с крестами на обложке достаёт.

Парнишка вдруг слегка оживился, тень улыбки мелькнула на его губах.

– А мы, пацаны, с гороховой лепёшкой к нему и слетались, как комары на огонь. Ну, он даже не священник был, а так, дичок, как он говорил, но буквы знал.

– Дьячок, – машинально поправил я, пытаюсь представить эту картину: деревенские мальчишки, сгрудившиеся вокруг церковнослужителя, который учит их читать в обмен на гороховые лепёшки.

– Ага, дьячок, – закивал Митька. – Говорил: «Читайте, свет в голове зажжётся». А мы смеялись – какой такой свет, если он у Фомы-то не зажётся? Он и читать умел и считал в уме, а в сенях всегда об угол бился в темноте.

Я прикусил губу, чтобы не улыбнуться. Было что-то удивительно трогательное в этой наивной логике: если чтение зажигает внутренний свет, почему же грамотный человек не видит темноте?

– Но батюшка всё-таки был упрямый, – продолжал парень, уже смелее. – Заставлял нас по складам бубнить. И цифры на дощечках углём писал, нас учил. Один раз даже газету привёз, «Санкт-Петербургские ведомости» называлась. Ветхая, правда. А там про войну с турками было написано, про бунты где-то на Урале.

Я резко подался вперёд, заинтересовавшись. Вот оно! Информация из первых рук об этом альтернативном мире.

– И что там писали про бунты? – спросил я как можно безразличнее.

Митька наморщил лоб, вспоминая.

– Ну, что царские войска разбили басурманов на Яике... то есть на Урале, значит. И атамана ихнего казнили – Петру... Пучов... не упомяну фамилию.

«Пугачёв?» – хотел было подсказать я, но вовремя прикусил язык. А вдруг это был совсем другой бунтовщик? В этой реальности даже Екатерина II дожила до 1807 года. Кто знает, какие ещё сюрпризы история здесь преподнесла?

– Мы когда читали газету, я даже как-то спросил: «А правда, батюшка, что царица – немка?» – Митька нервно глотнул. – Он аж побледнел и зашипел: «Молчи, говорит, дурак!» Но потом, спустя время, втихаря объяснил, мол, Екатерина Алексеевна – мать земли русской, а прочее – всё это брехня бунтовщиков да подстрекателей.

Я задумчиво потёр подбородок. Сведения, которые давал мне Митька, были бесценны для понимания этого мира. Да и выглядел он толковым малым, не чета этим лесным душегубам.

– Продолжай, Митька. Что ещё дьячок рассказывал?

Парень, приободрённый моим интересом, продолжил:

– Вот от него я и про французов узнал, и про поляков. Говорил, там у них народ королей на плаху тащит, а у нас тихо. – Митька улыбнулся. – А ещё я любил в щель в заборе подслуши-

вать, когда сборщик подати приезжал от боярина да со старостой и мужиками разговаривал. Про налоги, про рекрутов, про то, что в мире творится. Вот в голове оно и складывалось. Вот и знаю кое-что.

– Ну, я смотрю, ты молодец, – похвалил я его. – Образованный. Дальше то куда намылился?

Он смущённо потупился и говорит:

– Ну, если вы меня наказывать не будете... То и сам не знаю. Вот сейчас до Уваровки вас провожу. А там, может, в монастырь подамся.

Я взглянул на этого тощего паренька, в котором странным образом сочетались крестьянская наивность и недетская смекалка. Что-то подсказывало мне, что он может пригодиться. В конце концов, мне предстояло как-то выживать в чужом времени, в полуразрушенной избе посреди заброшенной деревни. Помощник, особенно такой смыслённый, не помешает.

– Ты это с монастырём брось, – сказал я решительно. – Давай-ка пока при мне побудешь. Мне толковые люди нужны.

Лицо Митьки просветлело, словно солнце выглянуло из-за туч. – Ой, спасибо, боярин, за доброту вашу!

– Да что уж, – смутился я. – Да и не боярин я, а так... помещик получается мелкопоместный. – Я невесело усмехнулся, вспомнив про пятнадцать дворов деревни Уваровки, которая теперь, по воле судьбы, была моей.

– Да хоть горшком назови, только в печь не ставь, – выпалил Митька и сам смутился от своей дерзости.

Я рассмеялся – первый раз за весь этот безумный день. Парнишка был прав: титулы и звания сейчас значили меньше всего. Главное – выжить в этом странном мире, и желательно не превратиться в такого же никчёмного прожигателя жизни, каким, судя по всему, был настоящий Егор.

Телега с каждой кочкой всё сильнее пинала меня в пятую точку, будто мстя за всех начальников, которым я когда-либо дерзил. Народная мудрость не врёт: русские дороги – это отдельный круг ада, особенно в начале XIX века. То, что в моём времени гордо называлось «грунтовка», здесь считалось шикарной магистралью.

Несмотря на все прелести дорожного дискомфорта, я находил время, чтобы разглядывать всё вокруг. Всё-таки девственная природа разительно отличалась от той, с которой меня перебросило сюда из XXI века. Никаких линий электропередач, разрезающих горизонт, никаких пластиковых бутылок в кустах, никакого запаха выхлопных газов. Воздух был настолько чистым, что с непривычки кружилась голова – словно я забрался на высокогорье.

Леса стояли сплошной стеной, тёмные и непроходимые, подступая вплотную к дороге. Временами между деревьями мелькали тени – возможно, лесные жители, которым не было никакого дела до ещё одного человека, проезжающего мимо их владений.

– Глянь-ка, барин, – внезапно подал голос Митяй, указывая куда-то в сторону. – Ишь, лосиха с лосёнком. Редкость по нынешним временам.

И действительно, метрах в ста от дороги, на небольшой поляне, величественно и невозмутимо щипала траву лосиха, а рядом с ней топтался тощегогий лосёнок, неуклюже тыкаясь мордой в бок матери.

– А что, много лосей повыбили? – спросил я, наблюдая за животными.

– Дык это... Зверья-то много извели. Охоты барские, да голодные годы, вот мужики сами и промышляют... – Митяй неопределённо махнул рукой. – Раньше, рассказывают, столько было всего, что за день пяток лосей можно было добыть. А теперь по неделе в лесу сидишь – хорошо, если след какой увидишь.

Ближе к вечеру мы стали подъезжать к Уваровке, о чём мне с нескрываемым облегчением сообщил Митяй.

Первое, что поразило меня при виде деревни – это тишина. Тихо, как на кладбище, только ветер шелестит в высокой траве, да где-то вдалеке лает собака.

– Ну что ж, скажу, впечатления специфические, – пробормотал я себе под нос, оценивая свои будущие владения.

Правильно бабка сказала – захудалая деревенька. Подъезжая, я насчитал семнадцать домов, три из которых были покосившимися и, можно сказать, на ладан дышали. Один вообще стоял с провалившейся крышей, зияя пустыми глазницами окон.

Увидев один, самый крепкий дом, с высоким тесовым забором и резными наличниками на окнах, я указал на него Мите, чтобы правил туда. Издалека он производил внушительное впечатление – добротный, крепкий, явно принадлежащий не последнему человеку в деревне.

– Не так уж и плох, – с надеждой подумал я, что самый приличный дом в деревне и есть мое имение.

Подъезжая к дому по центральной, так сказать, улице (на самом деле – просто широкой полосе утопанной земли между рядами изб), я заметил, что с некоторых дворов стали выходить люди и поглядывать на нас. Женщины в длинных сарафанах и платках, прикрывая рот рукой, что-то шептали друг другу. Мужики, опёршись на заборы, провожали нас настороженными взглядами. Мальчишка лет десяти, с вихрастой соломенной головой, помчался впереди телеги, видимо, оповещая деревню о прибытии важного гостя.

Подъезжая к дому, я до последнего надеялся, что именно он и есть бабкиным, но каково же было моё разочарование, когда дверь раскрылась и на порог вышел довольно крепкий мужик лет пятидесяти, с окладистой бородой и пронзительным взглядом из-под кустистых бровей. Он был одет лучше большинства крестьян – в чистую рубаху и штаны, заправленные в начищенные сапоги, не лапти.

Он неторопливо спустился со ступеней и остановился у забора. Мы тоже остановились. Я спрыгнул с телеги, в очередной раз разминаясь и пытаюсь вернуть чувствительность отбитой пятой точке.

– Кто такие? – достаточно сурово спросил мужик, осмотрев меня с головы до ног.

– А ты кем будешь? – нагло ответил я, чувствуя, что нужно сразу показать характер. В моём положении проявить слабость – значит, подписать себе приговор.

– Я староста Уваровки, Игнат Силыч, – гордо выпрямился мужик. – А вы представьтесь, будьте уж так добры.

Я представился, стараясь соответствовать образу дворянина:

– Егор Андреевич Воронцов, сын боярина Андрея Степановича.

Староста с явным отсутствием уважения слегка поклонился:

– О-о, боярин пожаловали... – и тут же, будто защищаясь, добавил: – Так подати-то недавно мы платили. Приезжал уже от боярина человек.

Я пристально посмотрел на него и со всей серьёзностью сказал:

– А я не за податью. Прибыл я к себе на землю, что мне бабка отписала. Покажи-ка мне, где тут имение моей бабушки.

Староста хмыкнув, чуть не рассмеялся в голос. Что-то в его глазах мелькнуло – то ли злорадство, то ли хитрость, – но он быстро справился с собой и указал на дом, расположенный в двух дворах от его. Как раз между нами был один из покосившихся, но "бабкин" выглядел не намного лучше. Ну хоть не тот, который один из трёх совсем разваливающихся.

– Вот, извольте видеть, – с деланной вежливостью произнёс староста, – имение вашей бабушки... богатое, щедрое, как и сама Аграфена Никитична.,

Я мысленно выругался. Дом представлял собой жалкое зрелище – кривой забор, скособоченная крыша, заросший бурьяном двор. Даже отсюда было видно, что дверь висит на одной петле, а окна затянуты бычьим пузырьём вместо стекла. И то не все.

Глядя на моё вытянувшееся лицо, староста сменил тон на елейный:

– Боярин, так, может, у меня заночуете? Утро вечера мудрёнее, а там что-то придумаем. Может, найдём кого избёнку поправить, почистить маленько...

Я снова посмотрел на старосту – вот что-то он сразу мне не понравился. Какой-то хитрый взгляд, глазки бегают, а в голосе фальшивые нотки участия. Нет уж, с такими типами лучше дело не иметь.

– Нет, – отрезал я, – у меня есть своя изба, там я и буду ночевать. – Развернулся и пошёл к Мите.

Потом притормозил и через плечо крикнул:

– Свечи нам сообрази, да снеди пусть принесут.

И сам указал Митяю править к дому, на который указал староста. Было видно, что крестьяне, которые выходили на улицу, все слышали наш разговор, что шушукаются друг с другом, указывая пальцами то на меня, то на покосившуюся избу. Ну, хоть какая-то им веселуха в их однообразных буднях.

Чем ближе мы подъезжали к моему новому дому, тем сильнее становилось моё уныние. Избу окружал покосившийся плетень – кое-где он вообще лежал на земле, сгнив от времени и непогоды. Двор зарос такой высокой травой, что казалось, будто здесь паслось стадо динозавров, а потом внезапно исчезло, оставив после себя нетронутые природные заросли.

Сама изба была... Как бы это помягче выразиться. Если сравнивать её со средневековым замком, то она тянула разве что на собачью конуру при этом замке. Две кривые ступеньки вели к покосившейся двери, висящей на единственной петле. Крыша, крытая соломой, во многих местах прохудилась, и сквозь дыры было видно небо.

Подходя к дому, я с каждым шагом убеждался в том, что я совершенно не готов к такой жизни. Я, собственно, не имел ни малейшего представления, как его отремонтировать. А то, что требуется капитальный ремонт – это и ежу понятно.

«Ну хоть петля есть, и то хорошо», – мрачно пошутил я про себя, пытаюсь сохранить хоть какой-то оптимизм, глядя на дверь.

Сказал Митяю, чтобы загнал лошадку с телегой во двор, а сам попытался обойти дом, но быстро бросил эту затею. Трава была выше пояса, такая, что пройти было сложно. Где-то в этих зарослях мог притаиться кто угодно – от безобидного ежа до стаи голодных волков.

Я остановился, разглядывая своё новое жилище, и почувствовал, как в душе поднимается волна отчаяния. В Москве у меня была квартира с тёплым туалетом, душем и микроволновкой. Здесь – кривая изба, в которой, судя по всему, не ступала нога человека последние лет десять.

– Ну что, Митяй? – вздохнул я, оборачиваясь к вознице. – Давай, пошли, будем смотреть, где нам ночевать. Надеюсь, хоть крыша не рухнет на голову в первую же ночь.

Митяй, впервые за весь день, посмотрел на меня с неподдельным сочувствием:

– Эх, барин... Видать, крепко вы батюшке насолили, раз он вас в такую дыру сослал. Мужички в деревнях работающие, помогут избу подправить. За денежку-то любой возьмётся!

«За какую денежку, – мысленно простонал я. – У меня всего-то пара монет в кармане, которые мне Агафья сунула на дорожку».

Однако вслух я произнёс уверенно, как подобает барину:

– Обживёмся. Не в таких передрыгах бывали.

С этими словами, я медленно но уверенно зашагал к покосившейся двери своего нового дома, изо всех сил стараясь не думать о том, что ждёт меня внутри.

Глава 5

Двери дома, доставшегося мне от бабушки, скрипнули так, словно жаловались на непрошенных гостей. Даже представить нельзя было что от единственной деревянной петли будет столько скрипа.

Я вошёл первым, за мной несмело переступил порог Митяй. Через щели в заколоченных ставнях, рисуя золотистые полосы на полу, пробивались лучи солнца, в которых танцевали в броуновском движении тысячи пылинок, поднятых нашими шагами и сквозняком от открытых дверей.

– Вот, стало быть, и дом, – сказал я больше себе, чем Митяю, который переминался с ноги на ногу у входа, явно не решаясь пройти дальше без приглашения.

Запах затхлости и сырости ударил в нос так, что я невольно поморщился. Дышать было тяжело – воздух словно загустел от времени и забвения. Дом был в плачевном состоянии – годы запустения сделали своё дело. Пыль лежала толстым слоем на всех поверхностях, паутина свисала с потолка, словно траурные гирлянды, а в углах виднелся мышинный помет. Но под всем этим запустением угадывалась добротная постройка – в общем то, еще крепкие стены, крыша, хоть и прохудилась, но была, что радовало.

Я прошёлся по просторной гостиной, проводя пальцем по поверхности ближайшего комода. На нём остался толстый слой пыли, которая прилипла к коже, образовав серый налёт.

– Давно же здесь никто не жил. Видать, бабуля не частый гость сюда была, – сделал я вывод, пытаясь открыть одну из ставен. Она с трудом, но поддалась, и с протяжным скрипом наконец отворилась. Комнату залил свет заходящего солнца, открывая взору всё величие моего наследства.

Передо мной предстала большая комната с обеденным столом посередине. Несколько стульев с поломанными спинками стояли неровным полукругом, будто их кто-то в спешке отодвинул от стола и так и оставил. У стены массивный буфет с треснувшими дверцами, одна из которых была просто вставлена, без петель, готовая отвалиться при первом же прикосновении.

На стенах висели потускневшие портреты незнакомых мне людей – вероятно, предыдущие владельцы – предки, моего нового тела. Мужчины с окладистыми бородами и суровыми взглядами, женщины в тяжёлых платьях с высокими воротниками. Все смотрели на меня неодобрительно, словно говоря: "И это тебе мы должны доверить наше наследие?"

Выцветшие гобелены уныло свисали по углам, на одном ещё можно было различить сцену охоты, на другом – какой-то библейский сюжет, не то Давид с Голиафом, не то что-то еще. Половицы под ногами скрипели, а кое-где и прогибались, угрожающе потрескивая.

– Да, могло быть и хуже, – со вздохом сказал я, окидывая комнату взглядом. – По крайней мере, не всё разграблено.

Я поёжился. Прекрасное наследство – дом-развалюха и репутация кровожадных тиранов. Но к делу – надо было как-то обустраиваться, ночевать на улице не хотелось.

Удивительно, но в этой убогости я почувствовал некую странную надежду. Да, дом был запущен, но не безнадежно, и если приложить определённые усилия, можно в него вдохнуть новую жизнь. А знания из будущего... что ж, они должны дать мне некие преимущества. Правда, не помню, чтобы на курсах выживания нас учили, как реставрировать помещичьи усадьбы XIX века, но что-то подсказывало, что самые базовые вещи вроде дезинфекции и гигиены уже будут неплохим стартом.

– Митяй, – я повернулся к парню, который всё ещё стоял у порога, рассматривая портреты, – найди-ка, чем можно убраться, ветошь там, ведра.

Он растерянно заморгал, явно не ожидая такого вопроса от барина. В его мире, видимо, дворяне не снисходили до обсуждения уборки, тем более до прямого в ней участия, и, не скрывая удивления, пробормотал:

– Барин сам убираться будет?

– А ты думал, я буду сидеть в пыли и ждать, пока кто-то это сделает за меня? – усмехнулся я. – Давай, давай, впрягайся, и воды нужно принести, много воды.

Митяй прошвырнулся по углам и в сенях, заглядывая в каждый закуток, словно охотничий пёс, идущий по следу. Минут через пять его голова показалась в дверном проёме, а глаза светились азартом находки.

– Нашёл, барин! – воскликнул он с гордостью кладоискателя. – Вот, смотрите!

В руках он держал деревянное корыто, потемневшее от времени и воды, с небольшой трещиной сбоку, но всё ещё вполне пригодное для дела. За его спиной в сенях я заметил ещё несколько таких же деревянных вёдер, сложенных одно в другое, словно матрёшки.

– Отлично, – кивнул я, засучивая рукава дорогой рубашки.

Тонкая ткань не предназначалась для подобных работ, но выбора не было. Странно было осознавать, что эти руки, привыкшие к клавиатуре и сенсорным экранам, сейчас будут отмывать вековую грязь. Впрочем, за последний день моя жизнь настолько перевернулась, что уборка старого дома казалась наименьшей из странностей.

– Значится так, – начал я, входя в роль распорядителя работ, – пол вымыть, пыль везде протереть. Паутину сбить со всех углов. Тряпки найди, если нету, возьми какие-то старые простыни или полотенца – что-нибудь, чем можно работать.

Митяй огляделся по сторонам, почёсывая затылок, словно пытаюсь вспомнить что-то важное. И тут как будто бы его озарило:

– Да в сенях видел ветошь старую! Там, за дверью, в сундуке, – он махнул рукой в сторону сеней. – Много всякого тряпья. А воду из колодца придётся носить, он во дворе недалеко, я видел.

Митяй принес воды и я взяв тряпку из старого сундука, начал протирать мебель. Занимаясь всеми этими делами, я почувствовал, как непривычно заняли мышцы. Тело Егора, хоть и было крепким, явно не привыкло к физическому труду. Руки помещика, не знавшие черновой работы, быстро устали, спина тоже ныла от непривычной нагрузки. Ну, впрочем, это поправимо – пара недель такой работы, и мускулы окрепнут.

– Так, бери матрасы и несём их во двор, потом ты снова за водой, а я займусь мебелью, – отдал я новое распоряжение, закончив с одним из шкафов.

– Слушаюсь, барин, – в голосе Митяя по-прежнему звучало странное удивление, словно он наблюдал за диковинным животным в зверинце. Ещё бы – барин, который сам берётся за тряпку, для него это, наверное, как слон, играющий на скрипке.

Мы вытащили матрасы во двор, кряхтя от их тяжести. Они были набиты слежавшимся сеном, от которого пахло сыростью и мышами. С усилием вытряхнули содержимое, подняв облако пыли и трухи, от которой оба закашлялись.

– Эх, боярин, да тут, похоже, со времён вашего дедушки никто не менял сено, – заметил Митяй, вытирая слезящиеся от пыли глаза.

Мы повесили опустевшие чехлы матрасов сушиться на заходящем солнце, перекинув их через покосившийся забор. Пустые, они казались огромными холщовыми мешками, с прорехами и пятнами, но в целом ещё вполне пригодными.

– Надо будет свежего сена набрать, – сказал я, отряхивая руки.

Пока Митяй ходил за водой для продолжения уборки, я решил осмотреть территорию усадьбы более тщательно. Двор был неухожен, зарос бурьяном по пояс, но всё же можно было различить остатки садовых дорожек, клумб и даже пары лавок под раскидистым деревом.

За домом обнаружилась небольшая постройка – флигель, с пристройкой – видать, сараем. Судя по заросшей тропинке, туда давно никто не ходил.

Я с трудом отодвинул скрипучую дверь, которая сопротивлялась моим усилиям, словно не хотела раскрывать свои секреты, и заглянул внутрь. Флигель же оказался бывшим жилищем для прислуги. Простая обстановка: деревянная кровать, застеленная потёртым одеялом, стол, два стула, сундук у стены. Везде грязь и запустение.

Примыкающий к флигелю сарай стал настоящим сокровищем. Когда я открыл дверь, которая тоже поддалась не сразу – петли сохлись от долгого бездействия и явно требовали замены. Я сделал несколько шагов, и глаза постепенно привыкли к темноте. Внутри стоял полумрак, лишь косые лучи солнца пробивались сквозь щели в стенах, что позволяло разглядеть содержимое.

Там обнаружился целый арсенал инструментов – лопаты разных видов, грабли, мотыги, серпы и косы висели на стенах, словно экспонаты музея сельского хозяйства. Создавалось впечатление, что когда-то за инструментом следили – все висело аккуратно и упорядоченно.

В углу же стояли плотницкие инструменты – топоры разных размеров от маленького колуна до внушительного лесоруба, пилы с разной формой зубьев, молотки, долото и рубанки, аккуратно разложенные на верстаке. В другом углу меня ждала новая находка – кузнечные принадлежности: клещи разной формы и размера, молоты и даже небольшая наковальня, установленная на крепком пне. Металл покрылся лёгким налётом ржавчины, но это была поверхностная коррозия, которую легко можно было устранить. Я взял один из молотков, примерился – тяжёлый, но удобно лежит в руке, с таким можно работать.

На полках вдоль стены аккуратно лежали бондарные инструменты для изготовления бочек – набойки, скобели, даже специальные циркули для разметки клёпок. Видно было, что ими пользовались.

У противоположной стены стояли вилы разных видов. Видать у каждого была своя особая принадлежность. Рядом лежал цеп для обмолота, мотки веревок различной толщины и даже конская сбруя, потрескавшаяся от времени. Местами кожа и вовсе рассыпалась.

В дальнем углу я заметил что-то, накрытое парусиной. Отодвинув пыльную ткань, я обнаружил сундук с замком. Замок был не заперт, и я осторожно поднял крышку. Внутри оказались более деликатные инструменты – ножницы для стрижки скотины, иглы для шитья кожи, шила разных размеров, формы для изготовления свечей, и даже несколько хирургических инструментов, завернутых в промасленную ткань – видимо, для лечения животных.

– Вот это я удачно зашёл! Находка что надо, – пробормотал я, пробуя пальцем лезвие косы на остроту. Оно было тусклым, но всё ещё достаточно острым, чтобы порезаться при неосторожном обращении. – С этим можно работать. Но подточить все равно не мешало бы.

Я медленно обходил сарай, прикасаясь к инструментам, словно знакомясь с ними.

– Даже удивительно, что крестьяне не растащили инструмент, – задумчиво произнёс я, еще раз оглядывая эти сокровища. – Ведь, насколько я помню из истории, это было самое ценное имущество в деревне. Видимо, либо боялись наказания, либо... – я осёкся, подыскивая другое объяснение. – Нет, скорее всего, просто боялись наказания.

Но что-то подсказывало мне, что дело не только в страхе. Возможно, была какая-то другая причина, почему крестьяне не тронули барское имущество. Уважение? Суеверие? Надо будет расспросить об этом Митяя.

Набрав несколько инструментов, которые могли пригодиться в первую очередь – молоток, пилу, клещи для выдёргивания гвоздей, я вышел из сарая, шурясь от заходящего солнца.

У ворот усадьбы я заметил маленькую фигурку – это была девочка лет десяти, в простом, но аккуратном сарафане, с двумя тугими косичками, перевязанными выцветшими ленточками. Заметив меня, она сделала неловкий реверанс, явно копируя движения, которые видела у взрослых, но не до конца освоила.

– Здравствуйте, барин, – произнесла она тонким голосом, глядя на меня снизу вверх с любопытством и лёгкой опаской. – Меня Аксиньей кличут. Батенька послал вам поесть принести.

Она протянула корзину, накрытую чистым полотенцем, вышитым по краям простым, но аккуратным узором. Из-под ткани шел аромат свежей выпечки, ударивший мне в нос и заставив желудок протестующе заурчать – я вдруг осознал, что страшно голоден – ведь целый день то не ел. Даже завтрак и тот был больше поркой, чем трапезой.

В корзине оказались круглый каравай хлеба, ещё тёплый, с хрустящей корочкой, горшок с молоком, соты с мёдом, с которых стекали янтарные капли, несколько варёных яиц в берестяной плошке и крынка с солёными огурцами – простая, но сытная деревенская еда, от которой шёл такой аппетитный запах, что у меня невольно потекли слюнки. Надо на всякий случай Митяю сказать, чтоб огурцы солёные молоком не запивал.

– Спасибо, Аксинья, – я улыбнулся, принимая корзину, которая оказалась неожиданно тяжёлой. – Передай отцу мою благодарность.

– Да, боярин, передам, – Аксинья присела в таком же неуклюжем реверансе, но не ушла, продолжая смотреть на меня с нескрываемым любопытством. Видимо, моя вежливость и манера общения были для неё в новинку.

– Аксинья, а давно ты здесь живёшь? – спросил я, ставя корзину у забора.

– Всю жизнь, – серьёзно ответила девочка. – Десять годков уж. А вы к нам надолго? – вдруг добавила она, переминаясь с ноги на ногу.

– Да ещё сам не знаю, – честно ответил я. – Поживу пока тут. Может, и останусь насовсем, если понравится.

– И что же теперь будет? – В этом детском вопросе было столько тревоги, что я невольно отступил на шаг назад и слегка к ней наклонился, чтобы быть на одном уровне с ней.

– Всё будет хорошо, – тихо ответил я. – Надеюсь, что лучше чем было.

Девочка смотрела на меня так, словно от моего ответа зависела судьба всей деревни. А, может быть, так оно и было? Я внезапно осознал, какая ответственность легла на мои плечи – не просто выжить самому в этом незнакомом мне мире, но и позаботиться о людях, которые теперь зависели от меня.

– Да, – твёрдо сказал я. – Обещаю, будет лучше.

Девочка кивнула, словно приняла важное обещание, которое нельзя нарушить, и, развернувшись, побежала домой.

– Аксинья, – окликнул я её, – а скажи, где сено можно свежего взять? Матрасы надо набить, а то спать будет не на чем.

– Так, за амбаром стог есть у бабюшки, – она махнула рукой, показывая направление. – Там много.

– Спасибо, – поблагодарил её я в след и обратился к подошедшему Митяю, который нёс ведро с водой от колодца. – Сходи, пока светло, к стогу и набери сена для матрасов.

Митяй поставил ведро, утёр пот со лба и кивнул:

– Сделаю, барин.

К позднему вечеру мы сумели относительно прибраться в центральной комнате дома. Вытерли пыль, помыли пол, закрепили ставни так, чтоб не упали сами по себе. Через них теперь проникали последние лучи заходящего солнца, окрашивая комнату в теплые оранжевые тона. Матрасы, набитые свежим сеном, уже лежали на деревянных кроватях, источая приятный аромат летнего луга.

Пужинав принесённой девочкой едой – простым, но сытным крестьянским ужином – я устроился в относительно чистой постели. Было непривычно лежать на матрасе, набитом сеном, тело ощущало каждую травинку, но странным образом это было даже приятно – какое-то естественное, природное ложе. Корка хлеба с мёдом, которую я оставил себе на "десерт",

показалась мне вкуснее любых ресторанных изысков из моей прошлой жизни. Возможно, из-за усталости или голода, а скорее всего, потому, что эти продукты были живыми, настоящими, не такими, как в моём будущем, повсеместно напичканными химией.

Лёжа в сумраке комнаты, слушая, как потрескивают стены старого дома, я размышлял о своём положении. Странно, но впервые за долгое время я ощутил некую свободу. В будущем я был лишь винтиком в огромной корпоративной машине – дедлайны, отчёты, бесконечные совещания, где твой голос никому не важен да и не нужен. Здесь же я стал хозяином своей судьбы. Да, сейчас у меня спартанские условия, но всё в моих руках.

Я повернулся на бок, устраиваясь поудобнее. За окном стрекотали сверчки, где-то вдалеке лаяла собака. Тишина деревенской ночи, такая непривычная после городского шума, обволакивала и каким-то магическим образом успокаивала. В голове крутились обрывки мыслей, складываясь в планы на будущее.

Завтра обязательно нужно будет поговорить со старостой, узнать, чем живёт Уваровка, какие у крестьян проблемы и что можно улучшить. Всё-таки мои знания из будущего могут быть полезны в преобразении этой захудалой деревушки.

Глава 6

Проснулся я от непривычных звуков – мерного шороха и чего-то похожего на свист. Первые несколько секунд пытался понять, где же я нахожусь, но сознание никак не хотело проясняться. Память настойчиво подкидывала картинки московской квартиры – серые стены, шум машин за окном, запах выхлопных газов, – но нет, реальность была совсем другой. Покосившись на стены, потолок с пучками сухой травы, торчащими между брёвен, я осознал, что вчерашний день был не сон, не бред, а что ни на есть реальность. Деревянный дом скрипел и постанывал, будто живой, приспособливаясь к утренней прохладе после ночной сырости. Каждая доска имела свой голос, свою мелодию в этом странном деревенском оркестре.

Запах старого дерева и свежескошенной травы окутывал как плед. Воздух... Боже мой, какой здесь был воздух! Ничего общего с тем химическим коктейлем, которым мы дышали в мегаполисе. Чистый, свежий, наполненный ароматами трав и утренней росы. От него даже слегка кружилась голова, как от хорошего вина, выдержанного в дубовых бочках. Лёгкие словно расправлялись после долгого сжатия, жадно втягивая этот нектар.

"Вжих, вжих, вжих" – доносилось со двора, мерно и ритмично. Я с трудом поднялся с кровати – каждая мышца ныла, – и, я, кряхтя, словно дряхлый старик, подошёл к окну. Половицы под ногами скрипели так, словно готовы были в любой момент провалиться.

Ставни как и вчера, поддались не сразу. Деревянные петли разбухшие от сырости, сопротивляясь моим попыткам их открыть. Но когда я наконец справился с ними, приложив немалые усилия, то увидел картину, которая меня искренне порадовала.

Митяй, засучив рукава почти до локтей, размеренно водил косой, укладывая ровные ряды бурьяна. Видно было, что с косой он знаком не первый день – движения плавные, без лишней суеты – такое приходит только с опытом. Пот блестел на его загорелом лице, но работал он легко, будто играя.

Часть двора он уже расчистил, выкосил, и теперь можно было хотя бы представить реальные размеры участка. Ещё вчера это место казалось непроходимыми джунглями, а теперь вырисовывался двор таким, какой он должен быть.

– Молодец, Митяй! – крикнул я, не сдержавшись.

Парень, прервавшись на полувзмахе, аккуратно воткнул косу в землю и поклонился, сняв картуз:

– Доброе утро, барин! Как поживать изволили? Не жёстко ли на новом месте?

– Да уж, поживал, – усмехнулся я, потирая затёкшую спину и покручивая шеей. – А ты, смотрю, времени даром не теряешь. С петухами встал?

– Так ведь не порядок это, чтоб у барина двор бурьяном был заросший, – Митяй опёрся на косу, словно на посох. – Люди что скажут? А я тут и водицы наносил, пока вы спали, умыться вам приготовил. Я вышел во двор, и Митяй, подхватив ведро, полил мне на руки. Ледяная вода аж обжигала кожу, но это было именно то, что нужно – сон буквально как рукой сняло, мозг заработал с непривычной ясностью.

– Ох, хорошо! – выдохнул я, растирая лицо и ощущая, как кровь бежит быстрее по жилам. – Давай-ка пойдём перекусим, что там у нас осталось?

Митяй бережно поставил косу к стене дома и утёр руки о рубаху:

– А много ли там осталось, барин? Вчера же почти все съели.

Мы вернулись в дом. Остатки еды, принесённые вчера вечером дочкой старосты Аксиной – к сожалению, быстро закончились. Корка хлеба и немного молока в глиняном горшочке – вот и всё богатство. Я прикинул, что надо срочно решать вопрос с пропитанием, иначе нам с Митяем придётся затянуть пояса потуже.

Но для начала требовалось разобраться в общей ситуации, так сказать, понять, что к чему в этом новом для меня мире, где правила игры кардинально отличались от московских.

Мы вышли на улицу. Деревня уже давно не спала – отовсюду доносились звуки начавшегося дня: мычание коров, требующих дойки, кудахтанье кур, переполошившихся из-за пробежавшей кошки. Детишки носились между домами, гоняя друг друга с палками вместо сабель, их смех звенел в утреннем воздухе.

Я увидел мужиков – человек пять или шесть – которые куда-то собирались с косами на плечах, переговариваясь вполголоса и изредка поглядывая в мою сторону. При виде меня все разговоры тут же затихли, и они дружно поклонились, но как-то настороженно, исподлобья поглядывая – будто ждали подвоха или готовились к неприятным новостям.

– Доброе утро, люди добрые! – окликнул я их, стараясь говорить уверенно, но при этом дружелюбно, не слишком по-барски. – Предлагаю собраться всем, да познакомиться как следует. Отговорки не принимаются. Обсудить надо много чего, да и так – узнать как дела в деревне.

Мужики переглянулись между собой красноречивыми взглядами, явно не зная, как реагировать на такое неформальное обращение. Один из них, постарше, с проседью в бороде, даже рот приоткрыл, словно хотел что-то сказать, но не решился. Другой потоптался на месте, переминаясь с ноги на ногу.

В воздухе повисло напряжение, которое можно было резать ножом. Молчание затягивалось, становилось неловким.

И в этот самый момент со своего двора неторопливо вышел Игнат Силыч – староста.

– А, стоите, лодыри! – рявкнул он, его голос прокатился по улице, словно гром. Сено само себя-то не накосит! Зимой скотину чем кормить будете? Корой с деревьев?

Мужики сжались, словно школьники, застигнутые врасплох на шалости. Кто-то замаялся, кто-то устался в землю.

– Так барин велит собраться, – неуверенно протянул кто-то из крестьян, прячась за спины других мужиков.

– Ну да, ну да, – ехидно протянул староста, прищурился. – Боярину-то виднее, как потом скотину зимой кормить будем.

Я намеренно, демонстративно проигнорировал его тон, хотя внутри всё закипело. Игра началась, и я должен был показать, кто здесь хозяин.

– Значит так, – сказал я твёрдо, обводя взглядом всех присутствующих. – Ко мне пойдём. И прихватите штук восемь поленьев, обязательно одинаковых, да досок струганных возьмите штуки четыре.

Сказав это мужикам, я не оглядываясь пошёл обратно к себе во двор. За спиной слышал приглушённые переговоры, но не оборачивался – нужно было держать марку.

Пока мужики выполняли поручение, я зашёл в пристройку флигеля. Там нашёл несколько как будто специально заготовленных металлических прутьев. Не гвозди, конечно, но сойдёт – краешек загнуть, и нормально будет. Молоток тоже прихватил. Железо здесь было на вес золота, но для дела не жалко.

Только я вышел из сарая, как увидел, что во двор уже зашли мужики. Кто-то нёс поленья, кто-то доски. Работали слаженно, без лишней суеты – видно, привыкли к физическому труду. Быстро соорудили простые лавки, на что один из мужиков – тощий, с вытянутым лицом – хмыкнул недовольно:

– Не экономит боярин железо совсем, на лавки решил потратить.

Остальные на него зашикали, мол, не твоего ума это дело. Он боярин, ему виднее. Но я заметил, как многие покосились на куски железных прутьев – действительно, расточительство по их меркам.

Мы расселись все прямо на улице, под окном, под той самой створкой, которую я с трудом открыл утром. Поглядел на неё опасаясь, что упадёт кому-то из мужиков на голову, но – будем надеяться, что обойдётся. Митяй пристроился чуть поодаль, все-таки тут взрослые мужики собрались.

– Ну что ж, давайте знакомиться, – начал я, стараясь говорить спокойно и уверенно.

Я представился:

– Егор Андреевич Воронцов – боярин. Получил Уваровку в наследство от бабушки, теперь вот жить буду здесь, с вами. А теперь расскажите мне, как Уваровка живёт, какие проблемы есть первоочередные?

Немного помявшись, побросав взгляды друг на друга – словно переговариваясь без слов, – сначала робко, односложно, но крестьяне разговорились. Один кашлянул в кулак, другой почесал затылок, третий крутил в руках шапку. Постепенно это замешательство прошло и говорить стали всё смелее.

Выяснилось, что хозяйство у них небогатое – пара коров на всю деревню, две козы, куры в каждом дворе были. А вот лошадь только у старосты – старая кобыла, которая еле ноги переставляла.

– У Степана вон свинья недавно опоросилась, – сказал один из мужиков, кивнув в сторону приземистого крестьянина с рыжеватой бородой. – Водили её аж в соседнее село к хряку. Два дня туда-обратно шли. К вечеру, уже как домой возвращались, представляете, волки увязались – до самой Уваровки по пятам шли. Ну и натерпелись тогда.

– А с инструментом беда у нас, – подал голос бородатый мужик постарше, видимо, самый опытный из них. – Косы старые, тупые, сено заготовливать тяжело. Да и серпов маловато. Жать придётся – половина поля так и останется стоять, наверное.

Я задумался. Проблемы серьёзные, но решаемые.

– Вон, – сказал я – помогите Митяю бурьян докосить во дворе, да берите мою косу, – кивнул я на инструмент, которым работал парень. – В три косы-то всё сподручнее да быстрее будет.

Бородатый мужик аж привстал и поклонился:

– Благодарствуем, барин!

Остальные мужики тоже закивали, в глазах появилось что-то похожее на одобрение.

– К вечеру определитесь, чтобы кто-нибудь пришёл, буду ждать у себя. Дом мне подлатать нужно. А то сквозняки гуляют – ещё простыну, – добавил я.

Мужики переглянулись, но покивали – мол, надо так надо. Негоже, когда боярин с лихо-манкой будет мучиться. Дальше разговор начал заканчиваться, но один из них, почесав затылок и добавил с тревогой в голосе:

– Еще ж заморозки в этом году были поздние – вот рассада огурцов, да и редиска померзли. Так что не будет ни солений, ни редьки на зиму. Плохо это, барин, совсем плохо.

Я прикинул, что могу сделать в этом случае, чем могу помочь. Насколько помню из городской жизни, когда ещё помогал родителям на даче, редиска недели три растёт максимум, вроде как, а рассаду огурцов через две-три недели уже можно высаживать полноценно в землю. Хм, а ведь это может получиться! Главное – не дать времени уйти зря.

– Семена остались? – спросил я, чувствуя, как в голове начинает формироваться идея.

– Ну, есть маленько, – снова почесав затылок, ответил тот же мужик, невысокий крестьянин с хитрыми глазками.

Прикинув в уме варианты, я озвучил, что мне нужно:

– В общем так, вы идёте на сенокос, как и планировали, а тут мне оставьте самого рукастого.

Мужики переглянулись, кивнули и дружно указали на одного из них – крепкого, сбитого, лет тридцати, с мозолистыми руками работяги.

– Вот Илюха справный! – хором сказали они.

– Ну и отлично. Илья, ты значит, со мной останешься, будем ситуацию спасать, – я хлопнул парня по плечу, и тот гордо выпрямился. – Еще скажите, есть у кого в деревне пузырь бычий? Или может, из лося или из какого другого животного? Ну, на край шкура тонкая?

Те загомонили между собой, что-то переговаривались, чесали бороды, но оказалось, что пузыря ни у кого нет. Впрочем, шкуры имелись – и это уже было что-то.

– Принесите, сколько есть. И с десяток досок тоже чтоб принесли, – распорядился я, чувствуя себя всё увереннее в роли хозяина.

Один из них тут же побежал, я так понял, за шкурами. А вот с досками вышла заминка – оказалось, что материал был в дефиците. Каждая доска на счету, каждое бревно заранее распределено под определённые нужды.

Староста всё это время бурчал что-то про работу, которую я якобы срываю своими затеями, но я его резко осадил:

– Сильч, когда я тебя спрошу, тогда и будешь говорить. А пока помолчи, не влезай, когда барин говорит, – я аж сам себе улыбнулся от такой реплики. – Всё-таки я здесь хозяин, и мне решать, что делать с моими людьми и моей землёй.

Он потупил взгляд, но было видно, что сделал это сугубо формально – в глазах читалось плохо скрываемое недовольство.

Когда все разошлись по своим делам, мы с Илюхой принялись за работу. Я решил применить знания, полученные когда-то за просмотром роликов на YouTube-канале – как сейчас помню, назывался «Как соорудить примитивную теплицу за копейки».

За забором участка, на котором стояла моя, прости Господи, усадьба, определили кусок земли. Место выбрал с южной стороны, чтобы солнце максимально прогрело будущие посадки.

– Слушай, Илья, – начал я объяснять каждый шаг, который планировал сделать, хотя видел, что парень не особо понимает, зачем и для чего все эти премудрости. – Что нужно сделать. Первое – вскопать землю, подготовить для будущей посадки. Потом, роём две длинные канавки, куда будем ставить каркас из досок, а сверху натягиваем шкуры. Получится как баня, только низенькая – как раз для растений.

Илюха почесал затылок, и кивнул доверчиво. Взял лопату и принялся копать первый ряд, работая размеренно, как человек, привыкший к тяжёлому труду. Я же взял вторую лопату и начал копать второй ряд за ним.

Это его крайне удивило – видимо, не ожидал, что барин будет пачкать руки. Но тут подошёл Митяй, который уже закончил с помощью мужиков бороться с бурьяном и отдал косу. Увидев замешательство Ильи, он, усмехнувшись, пояснил ему:

– Боярин-то наш не чурается работы. Так что не удивляйся, Илья – он не из тех господ, что только приказывать умеют.

Пока копали, завёл разговор:

– А что у вас в округе есть-то? – спросил я Илью.

Тот посмотрел на меня удивившись еще больше. Даже переспросил:

– Простите, Боярин, что значит, что есть?

– Ну, реки там, озёра, болота, лес вот этот, – махнул я рукой в сторону темнеющей стены деревьев, поясняя, что именно я имею в виду.

Тут-то он и сообразил, что гость я тут не частый, вот и не знаю ничего про Уваровку, да про окрестности её.

– А-а-ааа! – протянул Илья, заметно оживившись и воткнув лопату в землю. – Река тут рядом, Быстрянка называется. Треть версты всего будет. Вон за теми деревьями, – махнул рукой, показывая направление. – Места там знатные – где-то глубоко, где-то мелко. Перекаты есть, да перепад такой большой в одном месте – страсть! Вода прям бурлит!

– Перепады, говоришь? – заинтересовался я, вытирая пот со лба. – Значит, течение есть, да ещё какое.

– Весной там такой рёв стоит! – Илья даже руками замахал, показывая силу потока. – Когда, бывало, коров там пасли, то спать невозможно было.

– А ещё есть место, где река по весне знатно разливается. Он поморщился, словно вспомнив что-то неприятное, и добавил понурым голосом: – Потом вода уходит, а там болотина остаётся, до самых морозов не просыхает. Вон в позапрошлом году корова старосты туда забрела, так и засосало животину... Два дня мужики баграми искали – всё без толку.

Я мысленно отметил это место – надо будет тоже обязательно осмотреть.

– А лес? – спросил я, глядя на тёмную стену деревьев, которая казалась отсюда непроницаемой стеной.

– Ооо, лес у нас дремучий! – уважительно качнул головой Илья, и в его голосе послышались нотки благоговения. – Вёрст на тридцать тянется, не меньше. Зверья там всякого, конечно... правда, сейчас меньше стало. Грибов, ягод полно, только... – он понизил голос, перейдя практически на шёпот, и оглянулся, словно боялся, что кто-то подслушает. – Ходить страшновато. Был случай – мужик один пошёл по осени за клюквой, да и сгинул. Нашли только потом лапти да шапку порванную...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.